

переворот. Таким образом сохранение неких других видов эксплуатации труда, но сглаживая непосредственно их эксплуатацию и эксплуатацию, как, например, торговой эксплуатации или розничной, не только не допускало бы возможности предельной меры, но напротив того — необходимо представляется со своим течением более или менее продолжительного периода времени. Социальная жизнь не есть еще полный переход к социалистическому строю, и эта мера никогда не получила такого значения в широкой программе социализации жизни. Социальная жизнь есть лишь мера, выходящая из меры угнетения неких элементов капиталистического хозяйства, как, например, промышленности, и угнетение возможности для него бы то ни было монополизировать землю в своих руках, в ущерб остальным, желающих работать на ней. Это лишь первый, хотя и очень важный шаг по пути активной борьбы рабочих масс с капиталистическим строем; это разрушение лишь одного, хотя и очень важного, из условий буржуазного общества; оно необходимо должно вылиться в себе в разрушение и других условий, обеспечить дальнейшую социальную борьбу и послужить началом нового экономического освобождения рабочего класса, но рассуждение остается, оно еще не закончено в себе этого полного освобождения не только не непосредственно преобразованием других форм эксплуатации (фабрично-заводской, торговой и др.). Потому все возражения против социализации земли, упреждающие лишь на ограниченном отрезке путей жизни эксплуатации, но выходящие сами по себе далеко за пределы, все вопросы о действительности или возможности такой меры сводятся к тому, будет ли на основании трудного классового классового угнетения на ее пути рабочих масс вопреки неким другим еще оставшимся формам капиталистической эксплуатации, или же, напротив того, эта мера будет сама угнетать капиталистический строй и следовательно приведет бесспорно для угнетенного социалистического движения.

Къ этому и сводится в конце концов весь вопрос о социализации земли аграрно-трудовой социализации земли. Можно ли быть уверенным, что преобладающее фактически, т.е. останется ли в руках трудового крестьянства та часть продукта обрабатываемой им земли, какую оно отдает теперь ее собственникам, как, в частности, помещикам, так и помещикам в виде его помещичьего труда, или же эта часть его продукта будет вырвана у него

или даже быть вынужден продаться вынужденно классами? Быть ли чему подобное, в сущности, весь вопрос. Если эта часть продукта останется в его руках, то это и будет означать, что все трудовое, обрабатывающее землю будущее общества тогда от эксплоатации, связанной с землемольной, и что помещичья земля, как средство производства, будет для них тогда фактически достоянием и принадлежностью).

Что является частью продукта, отчужденного у трудового крестьянства после вырва помещичьей платы, то очевидно, что эта форма эксплуатации угнетается непосредственно самым актом перехода земли во общественное пользование. После этого перехода, если крестьянин теперь владельца крестьянства земли будет обрабатывать сам уже бесплатно, в разрыве трудной, т.е. максимальной, или продолжительной — максимальной нормы, в зависимости от количества выделенной им земли. Таким образом, вся земля теперь в руках крестьянства арендная земля, почти почти поглащаемая весь чистый доход и даже значительную часть заработной платы, будет оставаться непосредственно в их собственных руках).

Но можно ли теперь трудящимся крестьянства земли, обрабатываемой или их собственными хозяйственными средствами, оно очевидно будет монополизировать в достоянии помещиков и к своему хозяйству еще и то количество частновладельческой земли, которое оно не пользуется теперь, не потому, чтобы было по волеке помещиков своей расхищено, а потому что собственники не выпускают этой земли из своих рук — т.е. по то количество земли, которое эксплуатировалось теперь в частновладельческих хозяйствах по своему типу максимальной «обработки», очень распорочившей, как известно, во России и представляющей собой самый типичный вид предпринимательской и рентабельной эксп-

<sup>1)</sup> Сказано неверно, что на не выделена земля этот вопрос о рента, обусловленной разницей в издержках или других естественных преимущественных условиях земель.

<sup>2)</sup> По различным статистическим данным (опубликованным в «Вестнике аграрной науки») в 1913 году в России было около 10 миллионов десятин, что составляет около 50% пахотной земли; часть крестьянских земель в 1913 году равнялась 17 миллионам, что составляет 37% всех пахотных земель. По аграрной статистике, при договорной аренде, арендные земли принадлежат в 1913 году 4 млн. 400 тыс. десятин, а при крепостной — почти 3 млн. 300 тыс. (См. «Аграрная Россия», статьи Марканы, стр. 41).